

ГЛАВНЫЙ ПЕЧНИК ВЫСТУПАЛ, КАК ЛЕСНИК

«Жизнь есть деяние»

(Максим Горький)

«Оставьте мастера в покое!»

Мы из истории, конечно, хорошо знаем первых людей в государственном, ратном, дипломатическом, сельском, лесном и т.д. делах. Но мало что знаем о, если так можно выразиться, Главном истопнике России. Хотя он был; причем очень интересный человек, заслуживающий того, чтобы о нем рассказали подробно.

...Наш герой родился в 1826 году на Волге. Фамилию он носил весьма неблагозвучную – Гнусин, но все, сделанное им за отведенные судьбою 60 лет, по-настоящему звучало, принося благо Отечеству. Сегодня его бы окрестили новатором, бизнесменом и экологом. Тогда же звали просто – владелец печной артели, умелец из народа.

Артель держала подряды по обслуживанию огромного отопительного хозяйства московского Кремля; театров, гостиниц и постоялых дворов первопрестольной. А сколько было частных заказов – от дворян, купцов, простых горожан! Ведь древняя наша столица знала цену теплу и уюту, создаваемому потрескивающими в огне поленьями.

Нынче, во времена паровых батарей, мы забыли, что когда-то танцевали именно от печки, которая согревала, кормила и даже парила жителей вместо бани. Позабыты и связанные с нею сочные термины – удивительные по своей емкости: туша, вьюшка, шесток, хайло, кошачий глаз.

Но вернемся к Гнусину, которого за мастерство, умение ладить с людьми и обстоятельность уже в отроческие тринадцать лет стали именовать по батюшке – Дмитрием Емельяновичем. Больше всего не любил он сызмальства халтуру и беспорядок, а какой уж тут порядок, если до 90 процентов печного тепла порой улетало в трубу? Сколько при этом лишнего леса зря переводилось на дрова – не счесть. А наш герой ценил дерево и не хотел его губить без нужды.

...Артель Гнусина процветала. Особенно запомнился 1849 год, когда на открытие Большого Кремлевского Дворца в Белокаменную пожаловал Николай I. Барон Лев Боди,

отвечавший за комфорт и безопасность императора, не отличался дипломатическими манерами, а потому прямо заявил:

- Мужички, сукины дети! Если подведут ваши печки-лавочки и ходы-дымоходы, а царь-батюшка, упаси Господи, угорит, я ведь разговоры разговаривать не стану. Я вас, мерзавцы, просто повешу!

И беда, как на грех, случилась. Вместе с самодержцем всероссийским нагрнула орава камергеров, шталмейстеров, статс-дам, фрейлин и прочей придворной челяди. Челядь эта хотела кушать, вкусно кушать, много кушать – и кухонные плиты раскалились докрасна, непрерывно «выплывывая» тысячи блюд.

Вспыхнул пожар, и не сносить бы Дмитрию Емельяновичу головы, если бы не вступился за него сам государь, цыкнувший на не в меру усердных слуг:

- Оставьте Мастера в покое! Он ни в чем не виноват. Жрать надо меньше! Может, хоть пожар сало из вас, поросята, вытопит!

Против «топорной работы»

Хозяйство Гнусина расширялось, деньги текли рекой. Держава тогда не нищенствовала, а люди с достатком, да еще с московским гонором, желали иметь не «какие-то заморские голландские печи», желали иметь наши родные, российские «кирпичные полушубки».

Чтобы они были самыми лучшими, удачливый артельщик стал еще и изобретателем. Не буду перечислять все его достижения на этой многотрудной стезе; расскажу лишь о паропневматической печи и огромной ее пользе для сохранения леса.

В разговоре с губернатором Гнусин так обосновал плюсы своего детища:

- Какой-нибудь департамент или иная чиновная контора за осень-зиму «съедают» на отопление целый зеленый массив, да и частник за холодный сезон «лопает» немалую рощицу. Конечно, добра этого, деревянного, пока хватает. Пока... А, может, завтра, при таком топорном разгуле, и щепкам будем радоваться. Потому и сделал я печь, заменяющую по бережливости десять старых.

Выступая в городской думе, Дмитрий Емельянович приводил убедительные экономические выкладки: в Хамовнических казармах за декабрь-февраль сожгли 10 сажень дровишек. Предлагаю вместо действующих там семнадцати прожорливых печей и трех ненасытных каминов поставить три моих «красотулечки». Гарантирую, что расход «лесных погорельцев», то бишь дров, сократится в 10 раз!

Так и случилось. Правда, как и в Кремлевском дворце, не обошлось без приключений. Смотритель зданий в Хамовниках привык воровать дрова (благо, раньше их было немерено) и продавать на сторону. Теперь же, при новых порядках и строжайшей экономии, каждое полено оказалось на виду – умыкнуть невозможно. Тогда разорившийся жулик начал забивать обороты кривых дымоходов всяческим мусором (старыми сапогами, тряпьем, дажедохлыми крысами), желая опорочить паропневматические печи. Помещения наполнились угаром.

Гнусин потребовал учредить комиссию для расследования. В ее присутствии полчаса поработали трубочисты – и злой умысел стал всем ясен.

Нет пророка в своем отечестве

У Мастера буквально отбоя не было от заказов, причем изо всей России. А особенно громкую рекламу ему сделала... церковь. Это случилось после того, как в Школе синодальных певчих 20 старых печей заменили пятью новыми и вместо 120 сажень дров стали тратить всего 20. Батюшки раструбили о таких чудесах по всей Руси великой.

Кстати, можно как угодно ругать «проклятый царизм», но нельзя отрицать, что, в отличие от сегодняшних, прежние власти «тяп-ляпов» не терпели и к делу относились всерьез. Наш герой испытал это не один раз, ибо специальный Медицинский департамент МВД устраивал регулярные ревизии, зорко следя, чтобы от печей не было вреда здоровью подданных, и людям дышалось легко.

Страна знала его имя. Академик архитектуры К. Тон в статье, опубликованной в газете «Голос», писал о Дмитрие Емельяновиче: «Огромную, неоценимую пользу принес он державе. Много можно измерить в деньгах. Например, один лишь Воспитательный дом в Петербурге за 10 лет сберег 140 тысяч рублей. (По тем временам – огромная сумма. – **О.Б.**). А если еще учесть, что Гнусин сохранил в целости и сохранности тысячи гектаров леса, миллионы деревьев, ему можно при жизни ставить памятник».

Памятника, впрочем, никто не поставил – ни тогда, ни сейчас. Да и умер самородок отнюдь не в богатстве, потратив все заработанное на образование детей.

На Западе Гнусин известен едва ли не больше, чем в России. Еще раз подтверждается старая истина: нет пророка в своем отечестве.

Олег БОРИСОВ